

скіе номера даже либеральныхъ иностранныхъ газетъ 1894 года, въ которыхъ съ такою глубокою скорбью говорилось объ умиравшемъ, а затѣмъ умершемъ Императорѣ, они (люди 40-хъ годовъ) не повѣрили-бы глазамъ своимъ, такъ была велика ненависть къ самодержавію въ ихъ время. Чѣмъ же вызвана такая необычайная перемена въ мысли и чувствахъ, что сдѣлаю самодержавіемъ столь великаго, чтобы вызвать такое неслыханное сочувствіе въ его принципиальныхъ противникахъ, что сдѣлало оно въ прошедшемъ и что, повидимому, предстоитъ ему сдѣлать въ будущемъ?—Четырнадцатилѣтнее сохраненіе мира при такихъ обстоятельствахъ, когда нужно было каждый день и часть ожидать войны, *) есть, конечно, великое *дѣло*, —это великое дѣло и было совершено Александромъ III-мъ. Но еще болѣе великое дѣло было совершено Александромъ II-мъ, положившимъ за него и душу свою. Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, была допущена ошибка, благодаря тому, что оно было совершено въ духѣ Европейскихъ началъ, слѣдовательно, въ духѣ началъ не христіанскихъ, и ошибка эта принадлежитъ не самодержавію, конечно, а именно уклоненію отъ самодержавія, какъ бы нѣкоторой даже измѣнѣ ему, измѣнѣ и провославію... Не царю—мученику нужно приписать эту ошибку, а его прабабкѣ, освободившей дворянство отъ обязательной службы Государю и Отечеству и тѣмъ не менѣе оставившей дворянству помѣстья, которыя давались дворянамъ, какъ жалованье, давались для службы. Народъ же всегда стоялъ крѣпко за самодержавіе и требовалъ для себя не освобожденія, а службы, но службы *непосредственно* царю и отечеству, такой службы, которую несло дворянство до своего освобожденія при Екатеринѣ II-й. При такомъ изумительномъ и высоконравственномъ требованіи *не освобожденія, а службы, не свободы, а рабства* Богу, царю, отъ Бога поставленному, и всѣмъ отцамъ, народъ оставался и въ то время, когда вступилъ на престолъ Царь-Освободитель.—Вліяніе Запада исказило народное требованіе службы въ освобожденіе отъ нея, хотя сами обстоятельства того времени требовали чрезвычайный службы, ибо въ это время союзники Ислама, постоянного врага нашего, послѣ одиннадцатимѣсячной осады завладѣли половиною священнаго Корсуна, который, въ угоду напитанному классическими преданіями Западу, былъ названъ Севастополемъ, именемъ, ничего не говорящимъ русскому народу. При такихъ обстоятельствахъ, чтобы достигнуть мира, нужно было не просить его, а, напротивъ, сдѣлать призывъ къ поголовному ополченію для защиты земли, потребовавъ присяги Государю и Отечеству отъ всѣхъ и особенно—отъ *крѣпостныхъ крестьянъ*. Для большинства интеллигенціи, чуждой исторической жизни русскаго народа, будетъ непонятно, конечно, значеніе этой присяги, а крестьяне никогда не сомнѣвались, что какъ только они поцѣлуютъ крестъ и евангеліе, такъ и барщинѣ придетъ конецъ, и отъ службы помѣщикамъ они перейдутъ на службу Государю и Отечеству, оставаясь крѣпкими, землѣ, прикрѣпленными къ ней, перейдутъ вмѣстѣ съ землею, на которой сидятъ и которую обрабатываютъ для своихъ

*) И какой войны!? Обширность и разрушительность которой, даже представить невозможно при нынѣшнемъ вооруженіи и при возможности, благодаря существующимъ путямъ сообщенія, вовлечь въ войну и самыхъ отдаленныхъ: